

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тетенова М.А. — Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода // Litera. – 2024. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.1.68731 EDN: DHNSTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68731

Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода

Тетенова Мария Александровна

аспирант, кафедра истории и методологии перевода, Московский Государственный Университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, корп. 51

✉ tetenova.mariia@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.1.68731

EDN:

DHNSTA

Дата направления статьи в редакцию:

17-10-2023

Дата публикации:

06-01-2024

Аннотация: Предметом исследования являются предпереводческий анализ и процесс выбора переводческой стратегии, так как данные этапы являются одними из первичных в выстраивании переводческого процесса. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как влияние как на процесс выполнения перевода и подход к нему, так и впоследствии на итоговый продукт перевода, что лишь подчёркивает их важность в системе перевода. Особое внимание уделяется теоретической базе данных понятий и хронологии формирования понятий и терминов, а также различным моделям перевода, внутри которых автор выделяет место и функцию предпереводческого анализа. Основными выводами проведённого исследования являются утверждения о первичности этапов предпереводческого анализа и формирования переводческой стратегии в большинстве существующих моделей перевода. Особым вкладом автора в исследование

темы является попытка накопления примеров аргументации переводческой стратегии древними авторами в качестве доказательства куда более раннего формирования понятий, чем терминов. Новизна исследования заключается в попытке создания хронологической базы формирования понятий и терминов и накопления исторических артефактов для последующей систематизации знаний о процессах предпереводческого анализа и формирования переводческой стратегии, которые впоследствии станут не только базой для осуществления перевода, но и отражением профессиональной мотивации переводчика.

Ключевые слова:

перевод, предпереводческий анализ, переводческая стратегия, переводческая мотивация, теория перевода, переводоведение, лингвистика, модель перевода, процесс перевода, межкультурное взаимодействие

Перевод не является продуктом времён колониализма или империй, когда связь между государствами являлась основой дипломатического взаимодействия и решения мировых конфликтов и проблем и появление переводчиков были ответом на запрос государства. История перевода уходит в древние времена, когда мобильность человека была гораздо ниже, чем сегодня, и когда функционал переводчика был не таким, как сегодня. Так, например, в 3000 г. до. н.э. в древнем Египте уже существовал специальный иероглиф для обозначения переводчика. [\[3, с. 65\]](#). В древнегреческом мифе о боге Гермесе упоминается его миссия посредничества и интерпретации мысли через слова, и ныне переводческая задача интерпретации смыслов названа герменевтикой в его честь. Стоит отметить, что вышеперечисленные примеры не могут быть полным основанием для утверждения, что переводческого ремесла не существовало и ранее, ибо сохранившиеся до наших дней свидетельства немногочисленны, и они не позволяют отринуть допущения о существовании не известных нам переводческих практик в ещё более древние времена.

Обращение к древним временам позволяет нам не только примерно очертить временные и географические рамки появления практики перевода и переводчиков как ремесленников, но и выделить некоторые тексты, которые сегодня мы с уверенностью можем назвать продуктами перевода, а также предисловия к данным работам, которые помогают нам убедиться в том, что формирование понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии началось задолго до появления лингвистики как отдельной науки.

Обращаясь к истории перевода, мы должны понимать, что, ища корни понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии, мы должны так же изучить и артефакты времён, когда данных терминов не существовало, т.к. формирование концептов и понятий не происходит одновременно.

Одним из первых текстов, где автор поясняет свою мотивацию прямым текстом, является трактат Марка Туллия Цицерона «О переводчиках (О наилучшем роде ораторов)», где Цицерон непосредственно разъясняет свою мотивацию *перевода* (курсив автора – М.Т.)

«Перевел я их, однако, не как толмач, а как оратор: я сохранил и мысли, и их построение — их физиономию, так сказать — но в подборе слов руководился условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в

слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по счету, а — если можно так выразиться — по весу. Цель моей работы — та, чтобы наши соотечественники поняли, чего им требовать от представителей аттического направления и какое к ним прилагать мерило красноречия.»

Цицерон подчёркивает отсутствие необходимости переводить «слово в слово», ибо не «счёт» слов созидает смысл, а их «вес». Данная аргументация ожидаема от мастера ораторского искусства, обучавшего красноречию и выступлениям перед публикой, ибо целью его текстов являлось произведение определённого впечатления на слушателя, путь к которому лежал через выразительные средства и искусное знание языка. Мы можем провести параллель между подходом Цицерона к переводу и подходом кашкинцев в отечественной лингвистике в стремлении сохранять производимый на реципиента эффект. Наиболее отчётливо мы можем заметить это по следующему отрывку:

«Их-то речи я решил перевести; перевести так, чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, т. е. все их мысли, как по форме, так и по содержанию и чередованию, слова же лишь постольку, поскольку это позволяют условия нашего языка — впрочем, если мне и не удалось перевести их с греческого полностью, все же я постарался, чтобы их смысл не был утрачен. Если моя цель будет достигнута, то будет создан закон, которого должны будут держаться в своих речах ораторы, называющие себя последователями аттического направления.»

Цицерон в предисловии объясняет свой подход к переводу с целью так же предупредить обвинения в плохом знании языка или несоответствии слов в оригинальном тексте выражениям в тексте перевода. Так, читатель заранее знает, какой именно перевод будет перед ним — текст, где переводчик старался изъясняться той же мерой красноречия, что и автор исходного текста.

Сходную с Цицероном позицию выражает Гораций: «О усерднейший переводчик, стремись к тому, чтобы переводить не слово в слово» (в пер. П. И. Копанева), призывавший переводчиков не заключать себя в строгие рамки текста оригинала и давать волю красноречию для создания достойного перевода.

В противоположность Цицерону, представлявшему смысловой перевод с применением ораторского красноречия, Вергилий в своём переводе Гомера напротив не позволяет себе вольностей. Об этом свидетельствует Авл Геллий в «Аттических ночах», анализирующий перевод Вергилия в сравнении с греческим оригиналом.

«Говорят, что, когда нужно переложить и воспроизвести замечательные выражения из греческих стихов, не всегда следует стремиться [к тому], чтобы перевести совершенно все слова так, как они сказаны. (2) Ведь многие [стихи] теряют приятность, если их переводят словно бы против желания, и они сопротивляются насилию. (3) Поэтому Вергилий разумно и осторожно, воспроизводя отдельные места из Гомера, или Гесиода, или Аполлония, или Парфения, или Каллимаха, или Феокрита, либо каких-то других [поэтов], часть опустил, а прочее перевел.» [\[5\]](#)

Так, согласно Авлу Геллию, Вергилий прибегает к приёму опущения, не позволяя себе подбирать смысловые аналоги в языке перевода, ибо произведения Гомера есть великое наследие культуры, и привносить что-либо даже в самых мельчайших деталях есть вмешательство в великий текст.

На примере вышеуказанных текстов мы можем подтвердить факт формирования разных

переводческих стратегий ещё задолго до появления термина. В комментариях мы можем также выделить и зачатки предпереводческого анализа, выполнявшегося переводчиками, - так, Цицерон понимает, что речи «вождей аттического красноречия» есть шедевры ораторского искусства, и в тексте перевода выразительность средств должна сохраняться, даже если этот перевод будет не «по форме». В противном случае – перевод перестанет быть текстом великого оратора.

Из артикулированных лично переводчиками аргументаций своей мотивации можно также выделить Жака Амио, французского писателя, который комментировал свои работы так:

«Я прошу читателей понять, что долг истинного переводчика не состоит только в том, чтобы верно передать суждение его автора, но и в некоторой степени представить его, повторив, подобно тени, форму стиля и манеру речи». Отправив свой перевод «Сравнительных жизнеописаний» королю Генриху II, он приложил записку:

«Я стремился в большей степени передать то, что хотел сказать автор, нежели украсить и отполировать язык, так же, как и он на своём языке старался писать серьёзно и по-учённому, а не легко и плавно». [\[15, p. 65\]](#)

По первому впечатлению, мы могли бы сказать, что Жак Амио, напротив, отдалялся от стремления к пышному красноречию на языке перевода, стараясь приблизиться к слову автора, к его форме. Однако, как подчёркивает сам переводчик, автор текста сам «старался писать серьёзно и по-учённому», поэтому повторение, «подобно тени» (*в пер. Н. К. Гарбовского*), предполагало отсутствие ораторской выразительности, как в случае с Цицероном. [\[15, p. 66\]](#)

Зарождение понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии ещё в Античность предполагает долгий путь формирования термина и его определения, поэтому, можно привести несколько примеров определений в современной лингвистике.

Так как в процессе предпереводческого анализа переводчику следует определить зону не только межъязыкового взаимодействия, но и межкультурного. Переводчик должен обладать обширными знаниями не только в области языка страны языка перевода, но и в области её культуры.

М. П. Брандес, специализирующийся на письменном переводе, отмечает важность предпереводческого анализа, подчёркивая важность понимания организации текста: «Общие принципы предпереводческого анализа позволяют сделать текст в смысле его структуры и языка обозримым, очерчивают контуры коммуникативной, т.е. смысловой организации текста, помогают усвоить, что главная трудность перевода — передача смысла во всем его объёме» [\[2, с. 8\]](#).

Важность межкультурного аспекта подчёркивает также и Р.К. Миньяр Белоручев, специализирующийся в гораздо большей степени на устном переводе: «перевод будет считаться полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует.» [\[8, с. 11\]](#). Возникает вполне обоснованный вопрос, в какой форме происходит предпереводческий анализ в рамках устного перевода? На наш взгляд, наращивание высокого уровня понимания и знания культуры страны языка перевода есть инструмент, позволяющий переводчику более свободно ориентироваться в системе и организации текста.

Стоит подчеркнуть, что вне зависимости от направления в переводе, целью предпереводческого анализа является облегчение процесса межъязыковой

коммуникации, повышение уровня адекватности перевода, а также максимальное сближение эффекта, производимого на реципиента при восприятии оригинала, и эффекта, производимого на реципиента уже при восприятии перевода. Таким образом, этап предпереводческого анализа актуален как для письменного перевода, так и для устного перевода. Поясним: при письменном переводе переводчик может изучить текст, паратекст, исторический контекст, в котором был создан данный текст и др. При устном переводе, что может быть не совсем очевидно, переводчик может быть предупреждён о темах, которые будут на повестке дня, что позволит ему как расширить свой вокабуляр, так и изучить сферу, которая будет обсуждаться. Конечно, такая возможность представляется не всегда: один из ярких примеров – синхронный перевод в суде

Существует несколько схем предпереводческого анализа в зависимости от подхода. Например, сторонники лингвистической теории рассматривают предпереводческий анализ как инструмент для обеспечения наиболее полного понимания смысла оригинального текста. Такое понимание исходного материала, согласно лингвистической теории, позволит избрать наиболее правильную стратегию перевода.

Сторонники функционального направления в переводе же придерживаются идеи о необходимости определения функции исходного текста, а также учёта контекста культуры реципиента перевода. Следовательно, предпереводческий анализ для сторонников функционального направления ставит во главу угла экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации и вопрос об уровне их влияния на текст.

Одну из наиболее подробных схем предпереводческого анализа предлагает учёная К. Норд [\[16\]](#). Она предложила разделить компоненты предпереводческого анализа на две категории – экстралингвистические факторы и внутритекстовые факторы:

1) Экстралингвистические факторы:

- автор текста,
- интенция автора текста,
- реципиент текста,
- способ передачи сообщения,
- место создания текста,
- время создания текста,
- повод создания текста,
- коммуникативная цель текста.

2) Лингвистические факторы:

- тема текста,
- содержание текста,
- структура текста,
- невербальные элементы текста и их отношение с вербальными,
- синтаксические особенности текста

- лексический состав текста,
- тональность текста,
- прагматическое воздействие текста.

Классификация, предложенная К. Норд, является исчерпывающей: учёная рассматривает как лингвистические, так и экстралингвистические, культурные и ситуативные компоненты.

И.С. Алексеева, представительница функционального подхода к переводу, также создала свою схему предпереводческого анализа: [\[1, с. 326-329\]](#):

1. Сбор внешних сведений о тексте:

- автор оригинального текста;
- время создания и публикации оригинального текста;
- источник (книга, интернетсайт, журнал или газета).
- реципиент текста.

Также И.С. Алексеева выделяет четыре вида информации:

- когнитивная,
- оперативная,
- эмоциональная,
- эстетическая.

Когнитивная информация несёт в себе объективные сведения о внешнем мире, актуальном для оригинального текста. Через оперативную информацию реализуется побуждение к совершению определённых действий путём применения различных языковых средств. Суть эмоциональной информации заключается в сообщении новой информации для чувственного восприятия: такая информация может как ограничиваться нормами этикета, так и включать в себя любую эмоционально окрашенную лексику и т.п. Эстетическая информация включает в себя средства выразительности, игру слов, невербальную речь (жестикуляция, мимика и пр.)

Переводчику также следует определять или хотя бы попытаться определить коммуникативную цель текста. Цель текста нередко зависит от жанра, в котором текст существует. Коммуникативной целью или коммуникативным заданием текста может быть сообщение новой информации, установление контакта, убеждение в чём-либо, инструктаж и т.п. Определение коммуникативной цели текста поможет переводчику определить, какие языковые конструкции будут доминантными при переводе. Для наиболее точного подбора языковых средств при переводе также представляется необходимым определить речевой жанр оригинального текста.

Вышеописанная схема И.С. Алексеевой учитывает все аспекты текста, который будет переводиться, что впоследствии позволяет переводчику сделать максимально качественный перевод. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что никакая схема не является безвременно актуальной, и в случае, если какая-то информация не будет соответствовать ни одной из категорий, исследователю будет необходимо дополнить

схему.

М. П. Брандес и В. И. Протовертов в свою очередь считают, что «для выполнения качественного перевода переводчик должен понять, что он переводит не просто язык текста и не просто текст, а переводит язык, который является выражением многократно осмысленного содержания, то есть не только «о чём» говорится в тексте, а «что» говорится и «как» это выражается в самом тексте и языке текста» [\[2, с. 8\]](#). Данное определение подразумевает необходимость наличия у переводчика глубоких познаний в культуре, истории и быте страны языка перевода, что позволит ему мыслить не через категории своего родного языка, а «переключаться» на другое мышление и манеру выражения и построения мыслей.

Следует отметить, что среди теоретиков перевода есть и те, кто не оперирует понятием «предпереводческий анализ». Так, например, Р. К. Миньяр-Белоручев утверждает, что «текст — это не просто последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением, это ещё и система языковых единиц, несущих далеко не равнозначную информацию» [\[9, с. 131\]](#). Можно предположить, что теоретик всё же подразумевает необходимость проведения предпереводческого анализа, т.к. отмечает необходимость анализа информации, но в рамках устного перевода, на котором специализируется Р. К. Миньяр-Белоручев, существует как ограничение по времени для осуществления перевода, так и задача сохранить максимум ключевых сем исходного текста, и в этом стремлении переводчик волен выпускать «менее значимую» информацию.

Подчеркнём, что во всех приведённых концепциях есть много общих элементов: необходимость определения жанра и стиля исходного текста, определение типов информации, что в совокупности помогает переводчику определиться с доминирующим языковым стилем перевода.

После разбора основных концепций предпереводческого анализа текста можно констатировать, что общей и единой его схемы нет. Схема И. С. Алексеевой представляется нам наиболее удобной, т.к. она учитывает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Логичным продолжением рассмотрения предпереводческого анализа представляется рассмотрение понятия переводческой стратегии. В современном переводоведении термин «стратегия перевода» используется повсеместно. В то же время данный термин является «одним из наименее определённых понятий переводоведения» [\[10, с. 110\]](#). Низкий уровень определённости и конкретности термина обусловлен его неоднородностью: в данный термин включают и тактику перевода, и личностные особенности переводчика, и непосредственно сами переводческие преобразования, используемые для создания адекватного перевода. Термины «стратегия перевода» и «переводческая стратегия» нередко употребляются как синонимичные: таким образом рассуждают С. Алексеева, И. В. Войнич, Н. К. Гарбовский и В. Н. Комиссаров. Однако это не отрицает того, что разные исследователи вкладывают разный смысл в данный термин, из-за чего и создаётся сложность в более или менее едином его определении.

Привести определение данного термина представляется сложным не только нам: термин «стратегия перевода» не приводится и в «Толковом переводоведческом словаре», что в достаточной степени контрастирует с уровнем употребляемости данного термина в научных и учебных источниках.

Отсутствие общепринятого и единого определения данного термина приводит к появлению множества теорий, которые создаются ввиду обеспокоенности учёных неопределённостью термина. Например, данную обеспокоенность можно обнаружить в книге Б. Димитровой «Expertise and Explication in the Translation Process». Б. Димитрова предлагает классификацию определений термина «стратегия перевода». Среди них учёная выделяет: классификации, основанные на исключительно текстовых характеристиках, и классификации, основанные на других критериях (например, при использовании метода «think aloud»). В группу классификаций, основанных на исключительно текстовых характеристиках, исследовательница включает разграничение стратегий доместикации и форенизации. Во вторую группу – разграничение стратегий преобразования переводного текста (ПТ) и данной операции с исходным текстом (ИТ), – данное разграничение было предложено лингвистом Эндрю Честерманом. В своей работе Б. Димитрова также анализирует глобальные стратегии, сформулированные Р. Яаскелайнен. Вышеупомянутые стратегии выполняют функцию направления процесса перевода, что в принципе приравнивает их к принципам переводческой деятельности.

Ж. Дансетт под стратегией перевода подразумевает перечень правил, согласно которым осуществляется перевод, идеальным проявлением которого станет решённая переводческая проблема. Среди наиболее конструктивных и обоснованных определений Б. Димитрова также приводит подход Крингса и Лершера: согласно данному подходу, стратегия перевода должна рассматриваться из принципа выработки коммуникативных стратегий в процессе изучения иностранного языка [\[14, с. 26\]](#).

А. Г. Витренко в своей статье «О стратегии перевода» рассматривает определения стратегии перевода, предложенные в работах А. Д. Швейцера, Н. А. Крюкова, А. Р. Миньяр-Белоручева. В результате проведённого анализа и сопоставления автор делает вывод, что «стратегия перевода» в качестве научного понятия «по сути дела обозначает не научное, а быденное понятие, и вследствие этого терминологически неправомерно» [\[2, с. 15\]](#). Данный вывод достаточно категоричен, но его формирование представляется возможным проследить: вышеупомянутые учёные используют данный термин в очень разном контексте.

К примеру, А. Д. Швейцер использует термин «стратегия» и в значении программы переводческих действий, и в значении глобальных проблем конкретных видов перевода. Также А. Д. Швейцер под стратегией перевода подразумевает принципиальный подход к решению частных проблем в рамках общей задачи [\[12, с. 90\]](#). В процессе изучения А. Г. Витренко отмечает, что весьма частотным является употребление термина «стратегия перевода» в значениях «стратегия девербализации», «стратегия буквального (вольного) перевода», «стратегия жанровой поэтической стилизации».

Р. К. Миньяр-Белоручев также придерживается тенденции синонимизации понятий «стратегия перевода» и «методы перевода». Определение, предложенное Р. К. Миньяр-Белоручевым, заключается в понимании стратегии перевода как слаженной системы «взаимосвязанных приёмов, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода» [\[9, с. 155\]](#). Проведя анализ всех вышеупомянутых переводчиков и лингвистов, А. Г. Витренко приходит к мнению, что переводческая стратегия есть некий особый тип переводческого мышления, обосновывающего действия переводчика в процессе перевода. В то же время учёная отмечает, что данное понятие является слишком неконкретным и абстрактным, чтобы стать термином. [\[3, с. 5\]](#)

По мнению же В. Н. Комиссарова, именно переводческое мышление формирует и создаёт

переводческие стратегии, благодаря которым реализуется теория. [7, с. 356] К базовому представлению о механизме появления и разработки переводческой стратегии через некоторые компоненты коммуникационной ситуации В. Н. Комиссаров добавляет, что это не является особенностью переводческой стратегии, т.к. переводческая стратегия связана с переводом в целом, то есть со всеми переводческими актами, а не только с коммуникационной ситуацией. Таким образом, концепция, предлагаемая В.Н. Комиссаровым, включает в себя как процесс планирования стратегии, так и непосредственно процесс реализации этого плана, из-за чего стратегия перевода В.Н. Комиссарова носит «расширительный характер» [10].

Н. К. Гарбовский предлагает определять стратегию перевода в зависимости от условий осуществления конкретного акта перевода.

По мнению Н. К. Гарбовского, стратегия должна основываться на понимании переводчиком чёткой цели перевода, а также должна соотноситься с генеральной линией поведения переводчика. Таким образом, выработка оригинальной концепции перевода напрямую связано с осознанием конечной цели перевода, т.к. именно благодаря этому осознанию и вырабатывается стратегия. [5, с. 308] В отличие от концепции В. Н. Комиссарова, концепция Н.К. Гарбовского не указывает на особо значимую роль коммуникативной ситуации перевода, однако именно она является формирующим фактором как для переводческой концепции, так и непосредственно для стратегии перевода. Если проанализировать концепцию Н. К. Гарбовского в сравнении с другими вышеописанными теориями, то именно концепция Н. К. Гарбовского оказывается наиболее близкой к коммуникативно-функциональному подходу к переводу. В концепции, предложенной Н. К. Гарбовским, не только учитываются условия, в которых проходит конкретная переводческая деятельность, но и подчёркивается их многообразие, обусловленное столь же великим множеством коммуникативных ситуаций, в которых может оказаться переводчик и в которых нужно будет осуществлять перевод.

1.2. Комплексность понятия переводческой стратегии

При избрании стратегии перевода переводчик часто сталкивается с необходимостью принятия решения, кому «навстречу» он пойдёт при выполнении своей работы: читателю или же автору. В зависимости от принятого им решения реализуется подход доместикации или форенизации соответственно. Данный выбор связан с понятием «чужого» в переводе, которое при форенизации будет демонстрироваться читателю, а в случае доместикации – сглаживаться и приводиться к знаменателю культуры страны языка перевода.

Впервые эти два метода работы переводчика, но ещё не названные такими терминами, были предложены Ф. Шлейермахером в его лекции «О разных методах перевода» (1813). Данную лекцию немецкого теолога и философа можно назвать одним из самых крупных теоретических вкладов в развитии науки о переводе в среде немецких романтиков. Ф. Шлейермахер предлагал чётко разграничивать два подхода к переводу, где в первом случае переводчик принимает решение двигаться навстречу читателю и адаптировать текст для него, то есть приводить автора к читателю, а в другом – двигаться навстречу автору, как бы заставляя тем самым читателя приходить к автору в некоторой мере самостоятельно. Цель переводчика, полагал Шлейермахер, «состоит в том, чтобы произвести на читателя такое же впечатление, какое оригинал производит на образованного человека, свободно владеющего иностранным языком, при этом всё-таки чужим для него; ему не приходится, как школьнику, сначала думать на родном языке, с

усилием лепя из деталей целое — он без труда ощущает красоту произведения, но в то же время ясно сознает разницу между родным и иностранным» [\[13\]](#).

Говоря о категории «чужого» в переводе, мы должны подчеркнуть, что данная категория была выделена ещё Цицероном, когда он описывал свой собственный опыт перевода греческих ораторов на латинский вопрос. Осознание степени «чужести» материала для культуры реципиента переводного текста должно проводиться на основе анализа не только «чужести» содержания материала, но и в форме, что представляется вполне возможным. Таким образом, переводчику также необходимо принять решение, в какой мере он и что именно он сохранит. При сохранении «чужести» переводчик тем самым придерживается идеи сохранения языкового и культурного разнообразия, ибо он предлагает его читателю. Однако, переводчик должен уметь выделять и передавать именно элементы, транслирующие «чужое», иначе он рискует посредством переводческой интерференции прийти к калькированию структур переводимого языка, которые могут не соответствовать нормам языка принимающей культуры.

Существует также и обратная точка зрения, сторонники которой считают, что работа переводчика должна показать текст автора, как будто бы он является носителем принимающей культуры, то есть полностью адаптировать не только сам текст оригинала к культуре языка перевода, но и как бы превратить автора в носителя этой культуры. Ф. Шлейермахер считает данный метод нелепым, т.к. невозможно, по его мнению, отделить автора от его родного языка. Данная мысль – что язык предопределяет мышление, в языкознании впоследствии будет поддержана вербалистами, В. Гумбольдтом, Э. Сепиром и Б. Уорфом.

Ф. Шлейермахер настроен скорее скептически, если говорить о труде переводчика: он сочувствует ему, т.к., по его мнению, переводчик почти всегда обречён на поражение, а «абсолютное и исчерпывающее» понимание невозможно, как и правильный перевод. Тем не менее, Ф. Шлейермахер отмечает, что «мы будем утешаться тем, что во всём есть свои хорошие и свои дурные стороны, а мудрость заключается в том, чтобы взять как можно больше хорошего и как можно меньше плохого, во всяком случае к этому следует стремиться.» [\[13\]](#) Наиболее полную, по мнению Э. Н. Мишкурова, репрезентацию тезисов работы Ф. Шлейермахера приводит И. С. Алексеева в учебном пособии И. С. Алексеевой «Введение в переводоведение»: «Развитие взглядов романтиков на новой теоретической базе мы находим в работе известного теоретика и практика перевода первой половины XIX века Фридриха Шлейермахера "О различных методах перевода" (1813). Не разделяя взглядов многих своих современников, подчёркивавших невозможность перевода, Шлейермахер формулирует чёткие условия, которые способны обеспечить верность перевода оригиналу. Шлейермахер характеризует перевод как герменевтический процесс, подчёркивает необходимость различного подхода к текстам разного типа, проводя границу между текстами "деловой жизни" и текстами из сфер науки и искусства. Заявляя о необходимости передачи при переводе "духа языка", Шлейермахер опирается на равенства впечатлений читателя оригинального и переводного текста и выдвигает метод "очуждения" как основной при передаче своеобразия подлинника. Оттенок "чуждости" обязателен, по его мнению, для сохранения национальной специфики» [\[1, с. 78-79\]](#).

Идею о языке как о формирующем мышление феномене позже развил Л. Витгенштейн, высказавший идею, что именно язык формирует образ мира в сознании человека и что границы языка означают границы нашего мира. Позже данные постулаты стали базисом для «лингвистического поворота» в философской мысли XX века.

Следует также отметить, что существует и другая оценка выдвигаемых Ф. Шлейермахером идей: Л. Венути (род. 1953), например, усматривает в них «шовинистически снисходительное отношение к иным культурам». Э. Н. Мишуров приводит уточнение, что «Л. Венути осуждает «англоязычных теоретиков и практиков перевода», которые только в 1977 г. прочитали лекцию учёного в английском переводе и включили её в число «важнейших источников современной переводческой теории» за то, что они по-прежнему с недоумением относятся к его пожеланию, чтобы перевод «создавал у читателя ощущение чужеземности», полагая, что единственно правильное решение заключается в «полнейшей естественности выражения», в использовании переводчиком «модусов речевого поведения, принятых в культуре адресата». [\[17, с. 1-12\]](#).

Именно Л. Венути впервые использовал термины «доместикация» и «форенизация» для характеристики переводческого решения лингвокультурологических вопросов. Венути называет доместикацию этноцентрическим подходом, сторонники которого нередко приходят к уменьшению объёма текста и сокращению, усилению акцентов на культурной составляющей языка перевода, «приближению автора к читателю». При подходе форенизации акцент ставится на сохранении лингвокультурологических особенностей произведения, а «читатель приближается к автору». Венути приписывает доместикации созидание «прозрачного» стиля, восприятие которого не требует дополнительных усилий или справок, что как бы изымает из текста произведения всё «странное» и «чужое» для читателя, заменяя «своим» и «понятным». Форенизация же в отличие от доместикации не имеет своей целью сделать переводимый текст удобоваримым для читателя, вовсе изымая его из приоритетных задач и ставя во главу угла сохранение самости текста, его уникальности, которая построена в том числе и на культурном бэкграунде автора произведения. Венути также считает, что форенизация является отличным инструментом для сопротивления довлеющей и агрессивной англоамериканской культуре, в то время как доместикация сама по себе понимает некую культуру как доминантную в условиях перевода, а значит в числе своих задач имеет уподобление текста произведения «привычному» для реципиента-носителя «доминантной» культуры. Что примечательно, Л. Венути воспринимает доместикацию как инструмент в том числе и евро и англоцентричности, как «сглаживающий перевод», который маскирует и сглаживает отличительные черты переводимого текста. По мнению Венути, переводчик при таком подходе освобождает себя от дополнительных объяснений, которых потребовали бы иностранные предметы и явления, будь они сохранены. Такой стратегии Венути противопоставляет форенизацию, «сопротивляющийся перевод», при котором переводчик добавляет комментарии для разъяснения особенностей иностранной культуры и языка. По мнению Венути, для переводчика «желательно уменьшить этноцентрическое принуждение при переводе», то есть отойти от доместикации. Подход форенизации подчёркивает лингвокультурологическое разнообразие окружающего нас мира, не избирает «доминантных» культур, а также мотивирует совершение усилий для познания иных культур. Важно отметить, что доместикацию и форенизацию Венути называет эвристическими терминами, которые могут изменять свою роль в зависимости от периода и статуса государств текстов оригинала и перевода.

Однако, продукт перевода зависит не только от принимаемого переводчиком решения, но и непосредственно его личности. О. И. Костикова называет переводчика центральной фигурой в процессе перевода, когда он определяется как вид межъязыковой и межкультурной коммуникации, ибо он «проявляет себя как «творческая личность». [\[8, с. 91\]](#) Таким образом, продукт перевода не является «клоном» оригинала с поправкой на

приближение либо к принимающей культуре, либо к авторскому своеобразие, он вбирает в себя толику личности переводчика, которая, по мнению О. И. Костиковой, как «неизбежная субъективная составляющая любого переводческого процесса» проявляется «как на этапе интерпретации, так и на этапе создания нового текста на языке перевода.» [8, с. 91] О. И. Костиковой также отмечается, что «любое отклонение от текста оригинала определяется прежде всего творческими принципами переводчика и восходит к избранной им стратегии», что подчёркивает существование изначального замысла переводчика. Понятие «переводческий замысел» будет впоследствии включено в понятие «переводческой концепции», которое будет предложено как «операционная логическая категория», которая отвечала бы свойствам системности, когда системность – «свойство объектов и явлений, которое предполагает единство взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов, образующих некую структуру». В понятие «переводческая концепция» помимо переводческого замысла также включается «переводческий горизонт» и «переводческая позиция». Замысел переводчика О. И. Костикова определяет, как изначально запланированное «внесение тех или иных изменений либо в систему смыслов, заключённую в тексте оригинального произведения, либо в способ формального отражения этой системы.» [8, с. 92]

Таким образом, предпереводческий анализ и переводческая стратегия не только не являются исчерпывающими составляющими описания переводческого процесса, но образуют сложную систему процесса осуществления перевода.

Библиография

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. – М.: НВИТезаурус, 2001. – 224 с.
3. Витренко А.Г. О «стратегии перевода» // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 536: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / отв. ред. Д.И. Ермолович. 317 с.
4. Гарбовский Н.К. История перевода : практика, технология, теории. Очерки по истории перевода / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. — Москва : Издательство Московского университета, 2021. — 318, [2] с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода // Учебник. М.: Издво Моск. унта, 2004. 544 с.
6. Геллий Авл. Аттические ночи. Книги I-X. (источник: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%90%avl-gellij/atticheskie-nochi-knigi-i---x>) (дата обращения: 05.10.2022)
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2001, 424 с.
8. Костикова О. И. К основаниям переводческой критики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2008. — № 1. — С. 82–91.
9. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999. — 176 с.
10. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 464 с.
11. Цицерон, Марк Туллий. Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В.А. Алексеева, отчасти Ф.Ф. Зелинского) / Ред., введ. и примеч. Ф. Зелинского: А.Я. Либерман, 1901.

12. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. 215с.
13. Шлейермахер Ф. «О разных методах перевода» перевод Н.М. Берновской под ред. А.Л. Борисенко и А.Ю. Зиновьевой // Вестник Московского университета, серия 9, Филология, 2000, 2.
14. Dimitrova B.E. Expertise and Explicitation in the Translation Process. Stockholm. 2005. 295 pp.
15. Horguelin P. A. Antologie de la manière de traduire. Domaine française. Montréal. Linguattech, 1981, 230 pp.
16. Nord C. Text Analysis in Translation: theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis / C. Nord. – Amsterdam: Rodopy, 2005. 274 pp.
17. Venuti L. The Translator's Invisibility, London, New York, 1995. 336 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Обозначенная в заголовке, да и рассматриваемая в рецензируемой статье проблема, безусловно, является актуальной и значимой. Автор обращается к теории перевода, конкретизировав две точки крайностей – это предпереводческий анализ и переводческая стратегия. Текст достаточно грамотно структурирован, материал информационно насыщен; методология концентрична. Считаю, что явным достоинством статьи является созданный автором продуктивный диалог с потенциально заинтересованным читателем. Это проявляется буквально с самого начала, до финальных тезисов: «перевод не является продуктом времён колониализма или империй, когда связь между государствами являлась основой дипломатического взаимодействия и решения мировых конфликтов и проблем и появление переводчиков были ответом на запрос государства. История перевода уходит в древние времена, когда мобильность человека была гораздо ниже, чем сегодня, и когда функционал переводчика был не таким, как сегодня», или «обращение к древним временам позволяет нам не только примерно очертить временные и географические рамки появления практики перевода и переводчиков как ремесленников, но и выделить некоторые тексты, которые сегодня мы с уверенностью можем назвать продуктами перевода, а также предисловия к данным работам, которые помогают нам убедиться в том, что формирование понятий предпереводческого анализа и переводческой стратегии началось задолго до появления лингвистики как отдельной науки», или «на примере вышеуказанных текстов мы можем подтвердить факт формирования разных переводческих стратегий ещё задолго до появления термина. В комментариях мы можем также выделить и зачатки предпереводческого анализа, выполнявшегося переводчиками, - так, Цицерон понимает, что речи «вождей аттического красноречия» есть шедевры ораторского искусства, и в тексте перевода выразительность средств должна сохраняться, даже если этот перевод будет не «по форме». В противном случае – перевод перестанет быть текстом великого оратора» и т.д. Автор формирует также и диалог с т.н. условными «оппонентами» - Цицерон, Фридрих Шлейермахер, Жак Амио, М.П. Брандес и т.д. Примечательна для данного труда и т.н. научная емкость: «существует несколько схем предпереводческого анализа в зависимости от подхода. Например, сторонники лингвистической теории рассматривают предпереводческий

анализ как инструмент для обеспечения наиболее полного понимания смысла оригинального текста. Такое понимание исходного материала, согласно лингвистической теории, позволит избрать наиболее правильную стратегию перевода. Сторонники функционального направления в переводе же придерживаются идеи о необходимости определения функции исходного текста, а также учёта контекста культуры реципиента перевода. Следовательно, предпереводческий анализ для сторонников функционального направления ставит во главу угла экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации и вопрос об уровне их влияния на текст». Ссылки на источники полновесны, формальные требования учтены. Работа имеет завершённый вид, точка зрения автора аргументирована, главное – цель работы достигнута. Стиль труда соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «переводчику также следует определять или хотя бы попытаться определить коммуникативную цель текста. Цель текста нередко зависит от жанра, в котором текст существует. Коммуникативной целью или коммуникативным заданием текста может быть сообщение новой информации, установление контакта, убеждение в чём-либо, инструктаж и т.п. Определение коммуникативной цели текста поможет переводчику определить, какие языковые конструкции будут доминантными при переводе. Для наиболее точного подбора языковых средств при переводе также представляется необходимым определить речевой жанр оригинального текста», или «подчеркнём, что во всех приведённых концепциях есть много общих элементов: необходимость определения жанра и стиля исходного текста, определение типов информации, что в совокупности помогает переводчику определиться с доминирующим языковым стилем перевода. После разбора основных концепций предпереводческого анализа текста можно констатировать, что общей и единой его схемы нет. Схема И. С. Алексеевой представляется нам наиболее удобной, т.к. она учитывает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы», или «при избрании стратегии перевода переводчик часто сталкивается с необходимостью принятия решения, кому «навстречу» он пойдёт при выполнении своей работы: читателю или же автору. В зависимости от принятого им решения реализовывается подход доместикации или форенизации соответственно. Данный выбор связан с понятием «чужого» в переводе, которое при форенизации будет демонстрироваться читателю, а в случае доместикации – сглаживаться и приводиться к знаменателю культуры страны языка перевода» и т.д. Итогом работы становится сжатый вывод: «таким образом, предпереводческий анализ и переводческая стратегия не только не являются исчерпывающими составляющими описания переводческого процесса, но образуют сложную систему процесса осуществления перевода», но и при этой вариации он уместен ситуативно. Рекомендую статью «Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода» к открытой публикации в журнале «Litera».